

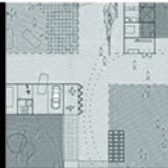
URBAN COMMONS

ГОРОДСКИЕ
СООБЩЕСТВА
ЗА ПРЕДЕЛАМИ
ГОСУДАРСТВА
И РЫНКА

STUDIO

URBANICA

Коллектив авторов
Urban commons. Городские
сообщества за пределами
государства и рынка
Серия «Studia Urbanica»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57101603

*Urban commons Городские сообщества за пределами государства
и рынка: Новое литературное обозрение; Москва; 2020
ISBN 9785444813706*

Аннотация

Недоверие к устоявшимся политическим и социальным институтам все чаще вынуждает людей обращаться к альтернативным моделям общественной организации, позволяющим уменьшить зависимость от рынка и государства. В центре внимания этого сборника – исследование различных вариантов взаимоотношений внутри городских сообществ, которые стремятся к политической и социальной автономии, отказываются от государственного покровительства и по-новому формируют публичное пространство. Речь идет о специфической «городской совместности» – понятии, которое охватывает множество жизненных практик и низовых форм общественной организации, реализованных по всему миру

и позволяющих по-новому взглянуть на опыт городской повседневности.

Urban Commons – Moving Beyond State and Market Ed. by Dellenbaugh, Mary / Kip, Markus / Bieniok, Majken / Müller, Agnes / Schwegmann, Martin

Содержание

Предисловие	5
ВВЕДЕНИЕ	10
Ухватить повседневность: знакомство с городской совместностью	10
ПЕРСПЕКТИВЫ	46
Городская совместность: диссидентские практики в эмансипаторных пространствах	46
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Urban commons Городские сообщества за пределами государства и рынка

Предисловие

Эта книга основана на материалах конференции «Городская совместность (Urban Commons)¹: за пределами госу-

¹ В силу того что термин *urban commons* не имеет строгого и устоявшегося перевода, считаем возможным предложить вышеупомянутый вариант; «совместность» в данном контексте сохраняет значение «осуществляемый сразу несколькими субъектами» и в то же время сохраняет указание на «место», в котором осуществляется действие («совместность»), что важно для городских исследований. Употребляемые далее термины *commoning* (как процесс) и *to common* мы предлагаем переводить как «производство/производить совместности», тем самым указывая на процессы создания общего блага, накопления ресурсов общего пользования и придумывания общих практик, маркирующих сообщество. Упомянутое далее исследование Элинон Остром «*Governing the Commons*» на русском передается как «Управляя общим», однако в рамках самого исследования термин постоянно переводится контекстуально; его рамки расширяются, включая то «общие ресурсы», то «общественные институты». Мы считаем возможным сохранить «совместность», чтобы читатель мог свободно ориентироваться в различных методологиях, используемых авторами сборника. В случае, если речь идет о *commons* в понимании Дэвида Харви, Элинон Остром и других исследователей, мы используем термины, принятые в русских переводах. Встре-

дарства и рынка», проходившей 27–28 сентября 2013 года в Центре городских исследований имени Георга Зиммеля в Гумбольдтовском университете Берлина.

Перед вами – итог двухлетних корректировок и постоянных обсуждений, имевших место после конференции; лаконичное издание, посвященное городской совместности и представляющее общее положение дел в этой области вкупе с целой галереей примеров, собранных со всего света.

Редакторы издания впервые встретились на докторантском коллоквиуме, проходившем в Центре имени Георга Зиммеля в Гумбольдтовском университете Берлина. Группу образовали студенты, работавшие над докторскими диссертациями в очень разных дисциплинах: среди нас были психологи, географы, социологи и специалисты по городскому планированию. Однако нас объединял общий исследовательский интерес: города и борьба за городские ресурсы общего пользования. Летом 2012 года, когда наши докторские близились к завершению, пятеро из нас собрались поздним вечером, чтобы обсудить темы и форматы для будущей совместной работы.

Мы решили основать Группу городских исследований и организовать конференцию, посвященную городской совместности (*urban commons*). Немного почитав и долго поспорив, мы поняли, что эта тема очень точно ухватывает нынешний дух времени (*zeitgeist*): дискурс об общем и сов-

местном (commons) объединяет модели понимания города как коллективного ресурса и в то же время предлагает такие способы использования данного ресурса (среди которых, например, общественные пространства, коллективные дома и обеспечение энергией), которые позволяют смещать фокус с меновой стоимости на потребительную.

Избранная оптика «общего» позволила нам внимательнее рассмотреть сущности и события, особенно важные для 2012 года и, честно говоря, не перестающие быть важными. Дебаты об «общем» актуализировались под влиянием финансового кризиса и падения евро, Арабской весны, движения «Захвати Уолл-стрит» (и других проявлений движения «Оссуру!»), повсеместно усиливающейся джентрификации (включая Берлин) и набирающего обороты движения по возврату в городскую собственность служб водо- и энергоснабжения, перешедших в руки частных компаний. Эти дискуссии об «общем», с одной стороны, вооружили нас и жизненно важными реперными точками, которые позволяют обращаться к примерам социального и экономического неравенств в наших городах, а с другой стороны, предоставили нам оптику, позволяющую анализировать и в перспективе создавать альтернативные модели использования городских ресурсов.

Конференция «Городская совместность: за пределами государства и рынка», поддержанная фондом Фрица Тиссена, получила достаточное внимание. Несмотря на строгую кво-

ту по числу участников, нам все же удалось собрать группу исследователей и кейсов, отличающуюся концептуальной и географической широтой: мы обсуждали кейсы из Америки, Европы, Азии и Океании, в том числе – из Германии, Индии, Чили, Южной Кореи, Испании, Швейцарии и США.

Мы бесконечно благодарны другим участникам Группы городских исследований – доктору Зофье Лапневской и Катарине Пузон, вместе с нами создавшим концептуальную рамку конференции и проконтролировавшим все организационные вопросы. Мы бы хотели поблагодарить всех участников конференции, чьи комментарии и чье участие в дискуссии сделали возможной атмосферу, стимулирующую и мотивирующую нас подготовить этот сборник. Можно сказать, что они были нашими первыми экспертами-рецензентами, решившимися критически прокомментировать озвученные доклады и идеи. Кроме того, мы бы хотели отдельно поблагодарить авторов, подготовивших тексты для настоящего издания, – за то, что они были открыты к запросам, критике и правке, проходившей далеко не за один раз. Ваши преданность и усилия, порой буквально нужные здесь-и-сейчас, были жизненно необходимы для нашей совместной работы. Мы бы также хотели поблагодарить Питера Нитцке, чья непоколебимая вера в то, что эта публикация сыграет значимую роль в современном и будущем дискурсах о городах и обществах, была критически необходима для подготовки проекта. Нас чрезвычайно опечалила его кончи-

на, случившаяся незадолго до выхода книги в свет.

И наконец, мы бы хотели выразить благодарность Центру имени Георга Зиммеля и его официальному представителю Вольфгангу Кашубе – за то, что они приняли конференцию у себя. Интеллектуальная и техническая поддержка, которой мы были обеспечены, равно как доступ к пространству и ресурсам для проведения конференции, а также возможность проводить встречи редакторской группы были необходимы для нашей авантюры.

С нашей стороны было бы крайне неучтиво не выразить благодарность нашим партнерам, друзьям и семьям – за их понимание. То, что началось как небольшой интеллектуальный проект, превратилось в самое главное дело, которое потребовало бесчисленных часов сверхурочной работы и встреч, проходивших глубокой ночью. Без поддержки близких мы бы не смогли успешно воплотить этот проект.

*Агнес, Майкен, Маркус, Мартин и Мэри
Берлин 2015*

ВВЕДЕНИЕ

Ухватить повседневность: знакомство с городской совместностью

*Маркус Кип, Майкен Бьеньек, Мэри Делленбо,
Агнес Катарина Мюллер, Мартин Швегман*

Все больше людей ищут альтернативные экономические и политические модели, независимые от рынка и государства; этот поиск обуславливается недавними глобальными кризисами, финансовыми и политическими. Борьба за городские ресурсы, как правило принимающая форму агрессивных мер по сокращению расходов, явно становится борьбой за совместность (commons). Многие городские движения больше не уверены в том, что государство способно оставаться вызывающим доверие организатором коллективного потребления, а рынок – достаточным и справедливым (equitable) поставщиком товаров и услуг. От этого концепт «совместности» обретает все большую популярность, поскольку он, в отличие от государственного патронажа, обещает соучаствующее самоуправление и справедливое обра-

щение с потребностями людей². По той же причине мы все чаще видим альтернативные формы производства совместностей (commoning), направленные на улучшение здравоохранения, большую доступность продуктов, жилья или общественных пространств, – формы, чаще всего появляющиеся в пространствах, уничтоженных реформами по сокращению расходов.

Изначально концепт «совместности» происходит из сельскохозяйственного опыта разделяемых естественных ресурсов, таких как пастбища, рыболовные места, водоемы и т. д.; тем не менее этот концепт также использовался и в других областях производства и воспроизводства. Например, Шарлотта Хесс³ использовала термин «новое общее» (new commons), чтобы описать механизмы коллективного управления, создающиеся для производства таких вещей, как «научное знание, волонтерские ассоциации, изменение климата, общественные сады, википедии, культурные сокровища, саженцы и электромагнитный спектр». Расцвет нового общего совпал с продолжающейся урбанизацией мирового масштаба. Тривиально, но именно города становятся пространствами формирования «новой совместности» (пусть

² David Bollier and Silke Helfrich, eds., *The Wealth of the Commons: A World beyond Market and State* (Amherst, MA: Levellers Press, 2013); <http://wealthofthecommons.org/> (accessed January 26, 2015).

³ Charlotte Hess, «Mapping the New Commons», SSRN Scholarly Paper (Rochester, NY: Social Science Research Network, July 1, 2008); <http://papers.ssrn.com/abstract=1356835>.

она формируется и не только в них). Наше коллективное усилие, предпринимаемое в рамках этого издания, – попытка исследовать связи между развивающейся урбанизацией и становлением совместности. Если говорить точнее, сборник посвящен борьбе за городскую совместность и выяснению: что в ней отличительно «городского», если таковое есть.

Исследования городской совместности стали особенно популярными в последнее десятилетие⁴, и все больше активистов обращаются к этому термину, чтобы анализировать важные для них проблемы в городском контексте. Мы, редакторы сборника, стали свидетелями производства совместностей в Берлине и не только; опыт наблюдения вынудил нас задаться вопросами: какую роль обретают эти феномены, будучи помещенными в политический ландшафт, и какие инструменты вкупе с методами городских исследований могут помочь понять эти совместности?

Рассмотренные нами попытки производства совместности отличались масштабами, от миниатюрных до грандиозных, и включали группы пользователей разных размеров, находящихся в различных взаимных отношениях. Решившись хоть как-то определить контуры понятия «городская совместность», мы предположили, что она связана с коллективной апроприацией и регулированием тех повседневных во-

⁴ См. статью Маркуса Кипа в первой части сборника.

просов, которые беспокоят некоторые группы.

Первый пример обнаружился так: жители дома выставили на тротуар горшки, коробки и старые ванны – тем самым разбив небольшой садик и огород прямо напротив здания. Это, в общем-то, банальное действие запустило оживленную дискуссию обитателей района: имели ли жители право так делать и насколько эстетично то, что они сделали? Можно ли считать этот садик украшением городского ландшафта, которое доступно всякому прохожему, или же мы имеем дело с неправомерной приватизацией общественного пространства? Несколько обеспокоенных граждан отправили жалобы в местный отдел Ведомства по делам общественного порядка (Ordnungsamt), но, что интересно, арендодатель ни разу не пересылал жалобы своим квартиросъемщикам. Может, ему понравилась инициатива? Или же она была ему безразлична? Или, быть может, он надеялся, что инициативы арендаторов повысят ценность предлагаемого им жилья?

Ил. 1. Поле Темпельхоф

Поле Темпельхоф, на территории которого располагался одноименный городской аэропорт, можно считать примером значительно более масштабной совместности, захватывающей большую территорию и большее число пользователей (ил. 1). Аэропорт закрыли, но оставшееся пространство избежало масштабного девелопмента; случайно появившееся открытое место стало популярным среди горожан, которые осознали экологическую ценность высвобожденной территории и стали проводить там досуг: катались на велосипеде, занимались кайтсерфингом, устраивали пикники или же пестовали небольшие садики (urban gardening). Стоило берлинскому рынку недвижимости оправиться от удара 2008 года, как сенат выпустил план развития этой ча-

сти города, предполагавший допуск частных инвесторов на территорию и запуск строительства дорогой недвижимости. Но за несколько лет правительственного бездействия появились гражданские инициативы, такие как Squat Tempelhof и 100% Tempelhofer Feld, и местным активистам, отстаивавшим сохранение пространства летного поля в качестве незастроенного и нераспланированного, удалось заручиться достаточной общественной поддержкой. Пик сражения за Темпельхоф как общедоступное благо пришелся на референдум (Volksentscheid) 2014 года, успешно заморозивший планы сената⁵.

Концепт «совместности» также можно использовать как аналитический инструмент, позволяющий понять сквоттинг, которым занимались беженцы в немецких городах. Например, в Берлине было разбито два самоорганизованных протестных лагеря – на Ораниенплац и в Школе имени Герхарта Гауптмана; оба существовали с 2012 по 2014 год. Если говорить о сквоттинге в терминах публичных и частных товаров, услуг и пространств, оправдать данные практики будет невозможно. Но хотя протест частично сосредотачивался на требованиях выживания и улучшении жилищных усло-

⁵ Инициативные группы сначала смогли набрать более 200 тыс. голосов горожан за проведение общегородского референдума по судьбе Темпельхофа, а затем на самом референдуме свыше 740 тыс. берлинцев (это 30% от числа всех избирателей в городе и свыше 50% тех, кто пришел на избирательные участки 25 мая 2014 г.) проголосовали за городской закон, запрещающий любое капитальное строительства на поле Темпельхоф. — *Прим. ред.*

вий в сравнении с теми, что предоставлялись в официальных лагерях для беженцев (Flüchtlingslager), сквоты в то же время были местами, где формировались запросы и на законные права человека (в том числе право на политическое убежище), и на отмену лагерей для беженцев как таковых⁶ (которые впоследствии должна была заменить временная резиденция – Residenzpflicht⁷).

Конечно, протесты также вынуждали беженцев (как маргинализованную группу) к самоопределению, создавали пространство публичного обсуждения этих проблем, укрепляли чувство «совместной» человечности (common humanity), переживаемое гражданами и негражданами.

Спустя год, особенно ближе к зиме, жилищные условия в сквоте на Ораниенплац стали совсем невыносимыми, и у их обитателей практически не было ресурсов, достаточных для изменения ситуации. С одной стороны, самоорганизованные лагеря беженцев на Ораниенплац и в школе имени Гауптмана позволили государственным службам укло-

⁶ То есть за отказ от специализированных изолированных мест концентрации беженцев. — *Прим. ред.*

⁷ По сути, являющаяся таким же пространством концентрации и изоляции беженцев, но с более высоким уровнем качества проживания, чем представляют лагеря. — *Прим. ред.* Немецкий закон о размещении беженцев (Asylverfahrensgesetz) принудительно ограничивает свободу передвижения для тех, кто ищет политического убежища. Они обязаны жить в земле и городе, где размещается офис департамента по работе с иностранцами, в котором они зарегистрированы. См. подробнее: <https://www.fairplanet.org/story/aminas-case-the-german-residenzpflicht-explained>. — *Прим. пер.*

ниться от экономической поддержки беженцев; в то же время сознательное игнорирование ими сложных жилищных условий в сквот-лагерях подогревало неизбежные конфликты, вспыхивающие в лагере. Тем не менее, когда местная управа решила прибегнуть к помощи полицейских и разогнать оба лагеря, ее ждали жесткое сопротивление и протест⁸.

Обнаруживаемый в данных примерах акцент на (политической и экономической) автономии, отказ от государственного покровительства и захват публичных пространств позволяют связать эти случаи с другими глобальными движениями: Арабской весной, «Негодующими»⁹ («Indignados») и движением «Захвати Уолл-стрит»¹⁰.

Обращает на себя внимание городской контекст этих протестных движений. Но как именно городское окружение задает условия или влияет на попытки производства совместности? Если абстрактно говорить о городском пространстве, оно может одновременно и разрушать, и подпитывать попытки производства совместности. С одной стороны, разнообразие и плотность, характеризующие городскую струк-

⁸ Говоря «государственное», мы не указываем на силы районного, регионального и национального уровней, столь часто конфликтующие друг с другом; это обобщение, используемое из соображений краткости.

⁹ «Негодующие», или «M15», – испанские политические активисты, чьи требования схожи с требованиями участников «Захвати Уолл-стрит».

¹⁰ George Caffentzis and Silvia Federici, «Commons Against and Beyond Capitalism», *Upping the Anti*, № 15 (September 2013): 83–97.

туру, – фундамент для мобилизации единомышленников или же создания и апробации новых социальных стратегий. Это активы (assets), полезные для развития новых форм коллективного управления ресурсами, используемых в разных масштабах. С другой стороны, анонимность, безразличие и нарциссическое разграничение, столь часто свойственные городскому образу жизни, могут стать значимыми барьерами для попыток производства совместностей. В этом смысле данный коллективный труд – тщательное и внимательное исследование того, как конкретные городские условия исторически и географически определяли опыт, развитие и сохранение общих ресурсов.

Представляя целую россыпь кейс-стади из разных частей света, данный сборник стремится выявить особенные условия городских совместностей, а точнее – то, как производство городских совместностей происходит в отношениях с капиталом и государством, и в то же время – как оно приводит к обозначению политических альтернатив и капиталу, и государству. Эти интригующие примеры потребовали от нас пересмотреть собственные изначальные представления о природе совместности. В основе книги – предположение, согласно которому диалог теорий городского пространства, с одной стороны, и теорий совместности, с другой, предлагает новую точку зрения, с которой видно сложное и противоречивое устройство commons. В следующих главах мы обозначим ключевые аспекты, свойственные кон-

цептам «совместности» и «городского» и в то же время служащие теоретическим основанием для исследований, принятых приглашенными авторами этого сборника.

Определяя совместность (commons)

Многие теоретические источники, несмотря на дисциплинарные различия, с подозрительным единодушием определяют «совместность» схожим образом. Большая часть определений представляет совместность как конструкт, образуемый тремя основными компонентами: а) *общие ресурсы*, б) институты (то есть устойчивые практики *производства совместности*) и в) люди – создатели совместностей (commoners), вовлеченные в производство и воспроизводство общих ресурсов¹¹.

Например, активисты и исследователи Андреас Экснер и Бриджит Кратцвальд утверждают:

общие ресурсы <...> всегда состоят из трех элементов: ресурс (который может быть материальным или нематериальным), люди, использующие ресурс (их часто определяют как создателей общего), и процесс переговоров,

¹¹ Yochai Benkler, «The Political Economy of Commons», in Genes, Bytes and Emissions: To Whom Does the World Belong, ed. Silke Helfrich (Berlin: Heinrich-Böll-Foundation, 2009), 1, 3. <http://us.boell.org/2010/10/06/genes-bytes-and-emissions-whom-does-world-belong-economic-governance> (accessed January 26, 2015).

посвященных методам использования ресурса, то есть учреждения правил их присвоения (appropriation) ¹² [перевод выполнен авторами].

Это утверждение звучит в унисон с определениями, предложенными Зильке Хельфрих, известной исследовательницей «общего» в немецком контексте, и Йоргом Хаасом, экспертом по климату и источникам энергии: согласно их описанию, совместное складывается из вещей (ресурсов, объектов, пространств), систем и практик (создание и регулирование общего), а также вовлеченных сообществ¹³. Обращаясь к аналогичной аналитической триаде, политэконом Массимо де Анжелис определяет совместность следующим образом:

[К]онцептуализация общих ресурсов предполагает использование трех вещей одновременно. Во-первых, все общее предполагает наличие определенного общего набора ресурсов, понимаемых как некоммутифицированные способы удовлетворения потребности людей. Во-вторых, общие ресурсы по необходимости создаются и поддерживаются сообществами. <...> Сообщества есть группы

¹² Andreas Exner and Brigitte Kratzwald, *Solidarische Ökonomie & Commons: Eine Einführung* (Vienna: Mandelbaum, 2012), 23.

¹³ Silke Helfrich and Jörg Haas, «The Commons: A New Narrative for Our Times», in *Genes, Bytes and Emissions: To Whom Does the World Belong*, ed. Silke Helfrich (Berlin: Heinrich-Böll-Foundation, 2009), 1. <http://us.boell.org/2010/10/06/genes-bytes-and-emissions-whom-does-world-belong-economic-governance> (accessed January 26, 2015).

производителей общего, разделяющих доступные ресурсы и самостоятельно определяющих правила, сообразно которым возможны обращение и использование ресурсов. <...> Наконец, в-третьих, самым важным элементом концептуализации общего (the commons) становится глагол «обобщать» (to common), отражающий социальный процесс создания и воспроизводства общих ресурсов¹⁴.

Иное определение общего предлагает географ Дэвид Харви, которому оно представляется как

нестабильное и хрупкое социальное отношение, устанавливаемое между конкретной социальной группой и определенными аспектами ее социального или физического окружения, уже существующими физически или же предполагаемыми к созданию; аспектами, критически необходимыми для жизни и оживленности сообщества¹⁵.

И пусть Харви не делает строгого перечисления, мы все же можем распознать три конституирующих элемента в его определении: а) «нестабильное и хрупкое социальное отношение» или, нашими словами, «институт»; б) «конкретная самоопределенная социальная группа», то есть «сообщество».

¹⁴ Massimo De Angelis and Stavros Stavrides, «On the Commons: A Public Interview with Massimo De Angelis and Stavros Stavrides», An Architektur & e-flux journal, № 17 (August 2010): 4–7.

¹⁵ David Harvey, Rebel Cities: From the Right to the City to the Urban Revolution (London: Verso, 2012), 73.

ство»; в) «аспекты ее социального или физического окружения, уже существующие физически или же предполагаемые к созданию» – в которых прочитывается «ресурс».

Три элемента можно выделить и в хорошо известных «восьми принципах проектирования» Элинор Остром, посвященных правилам распоряжения ресурсами общего пользования¹⁶. Лауреат Нобелевской премии по экономике включает два элемента триады в свой первый принцип, призывающий очерчивать «хорошо определенные границы» как в отношении ограничений *ресурсов*, так и в отношении *сообщества* пользователей¹⁷. Следующие семь принципов сосредотачиваются на третьем элементе – *институтах* (устойчивых практиках производства общего), в частности на том, чтобы сохранялось «соответствие между правилами присвоения/обеспечения предложения и местными условиями» (2), чтобы «операциональные правила» вырабатывались самими участниками (3), чтобы «права членов сообщества на создание своих собственных правил не отвергались внешней государственной властью» (4) и при этом создавалась система, управляемая участниками сообщества и обеспечивающая «надзор за выполнением договоренностей» (5), в то же время гарантирующая применение «проработан-

¹⁶ Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2010.

¹⁷ Ostrom, *Governing the Commons*, 91 (цит. по рус. изд.: Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2010. С. 177–178).

ной системы санкций» к нарушителям (6) и позволяющая использовать доступные и нересурсозатратные «механизмы разрешения конфликтов» (7). Формулируя последний принцип, Остром отмечает: «деятельность по присвоению, обеспечению предложения, надзору, принуждению к исполнению договоренностей и следованию правилам, разрешение конфликтов и управление осуществляется на разных уровнях *организаций, встроенных* одна в другую [курсив редактора]»¹⁸.

В то время как Остром фокусируется на институциональных аспектах, Дэвид Болльер, другой исследователь общих ресурсов, больше внимания уделяет характеристикам ресурсов, а также их влиянию на способы управления (governing) общим. Болльер упорядочивает общедоступные ресурсы, сообразуясь с четырьмя основными характеристиками:

1. Истощимость, которая связана с вопросом «возможно ли исчерпать ресурс?»¹⁹. Примером может служить городской садик, который можно «истощить» чрезмерным использованием, противопоставляемый радиовещанию, кото-

¹⁸ Jay Walljasper, «Elinor Ostrom's 8 Principles for Managing A Commons», On the Commons, October 2, 2011, <http://www.onthecommons.org/magazine/elinor-ostroms-8-principles-managing-commmons> (accessed December 15, 2014); рус.: <https://medium.com/rlnotoday/market-failures-3-7a828d785ba7>.

¹⁹ David Bollier, «The Commons: A Neglected Sector of Wealth-Creation», in Genes, Bytes and Emissions: To Whom Does the World Belong, ed. Silke Helfrich (Berlin: Heinrich-Böll-Foundation, 2009), 5. <http://us.boell.org/2010/10/06/genes-bytes-and-emissions-whom-does-world-belong-economic-governance> (accessed January 26, 2015).

рое могут использовать и один человек, и группа лиц без риска сокращения объемов ресурса, доступного другим.

2. Исключаемость, связанная с вопросом «возможно ли ограничить доступ?»²⁰. Пример – совместно управляемый детский сад (доступ к которому открыт не для всех), противопоставляемый чистому воздуху, доступному всем.

3. Соперничество, связанное с вопросом «может ли один пользователь перекрыть другим доступ к ресурсу?»²¹. Скопление посетителей в общественном парке может испортить прогулку или ограничить доступ к функциональным зонам другим посетителям, к примеру пришедшим насладиться тишиной (это пример соперничества за ресурс). Тем не менее сквотирование или баррикадирование улицы вовсе не обязательно меняет функциональность общедоступных ресурсов; наоборот, это практика, не предполагающая соперничества.

4. Регуляция, связанная с вопросами «Регулируется ли ресурс? Существуют ли правила, ограничивающие использование ресурса?»²². Самоорганизованное обеспечение домохозяйств электроэнергией явно требует большего числа правил, сформулированных точнее, чем правила поведения на дискотеке в рамках соседского праздника.

В свете данных четырех критериев, а также институцио-

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Benkler, «The Political Economy of Commons», 1.

нальных принципов Остром вкупе со сложностями использования ресурсов и договороспособности сообществ становится понятнее, почему говорить об общем так непросто.

Собранные нами определения общего (commons) ведут к трем важным вопросам, которые следует задать, чтобы проверить, насколько описываемые явления можно расценивать как общее. Эти вопросы также позволяют проверить, в каких отношениях данные явления состоят с источниками происхождения ресурса, институтами и группами создателей и пользователей, а именно:

- что есть общий ресурс?
- что можно расценивать как хорошие практики и подходящие отношения между производителями общего и различными общими ресурсами?
- кто образует «мы» сообщества?

Обозначенные три вопроса пригодятся для анализа и традиционных ресурсов общего доступа (например, рыбных мест) и сложной констелляции городских совместностей, которым и посвящен данный сборник. В следующем разделе мы уделим большее внимание городской среде, сулящей дополнительные сложности в разговоре об общем. Например, идея Остром о том, что хорошо определенные границы есть фундаментальное условие любой попытки создания общего (что обсуждалось в ее вышеупомянутых восьми принципах), может быть оспорена условиями городской среды. Городская совместность не просто размещена в пространстве, она яв-

ляется результатом серии разномасштабных процессов.

Определяя городское

Как отмечают различные авторы, понятие «городское» предполагает разговор о «праве на город», способном обосновать сопротивление силам государства и капитала, претендующим на эксклюзивное использование ресурсов территории²³. Лефевровская концепция «права на город» основывается на представлении о городе как *творении*, постоянно творящемся коллективном произведении искусства, которое формируют, используют и изменяют сами обитатели; эта концепция удивительным образом похожа на идею общего (the commons). Впрочем, более распространенная концепция «городского» предлагает мыслить пространство совсем иначе. Чаше «городское» синонимично «локальному», город понимается как «сущность»²⁴; временами это понятие вмещает в себя и аспекты плотности и масштаба. Критикуя

²³ См. например: Henri Lefebvre, *Writings on Cities*, ed. and transl. Eleonore Kofman and Elizabeth Lebas (Oxford: Blackwell, 1996); Henri Lefebvre, *The Urban Revolution* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003); Andy Merrifield, *Dialectical Urbanism: Social Struggles in the Capitalist City* (New York: Monthly Review Press, 2002).

²⁴ Peter J. Marcotullio and William Solecki, «What is a City? An Essential Definition for Sustainability», in *Urbanization and Sustainability: Linking Urban Ecology, Environmental Justice and Global Environmental Change* (Springer, 2013), 11–25.

глобальную урбанистическую парадигму, также называемую дискурсом об «эре урбанизма», Бреннер и Шмид доказывают, что определять пространство как «город» — довольно спорная затея в силу обилия вариаций, различных методов оценки, а также локальных и национальных ограничений, влияющих на сбор международной статистики об общемировой урбанизации²⁵. Конечно, все эти определения основываются на фундаментальном допущении, согласно которому «глобальную зону расселения можно и нужно аккуратно разделять на городские и сельские единицы (containers)»²⁶. Другие определения приписывают городу специфические формы и объемы. Если мы обратимся к версии Афинской хартии авторства Ле Корбюзье, вышедшей в свет в 1943 году, мы увидим классическое и общеизвестное распределение: город, разделенный на функциональные зоны (например, жилая застройка, деловые и торговые кварталы), определяющие досуг, работу, перемещения горожанина. Другое направление урбанистических наук цепко держится за концепт «глобальных городов»²⁷, как если бы он позволял понять истинную природу города.

Мы, будучи исследователями городского, воспитанными

²⁵ Neil Brenner and Christian Schmid, «Planetary Urbanization», in *Urban Constellations*, ed. Matthew Gandy (Berlin: Jovis, 2012), 10–13.

²⁶ Ibid., 14.

²⁷ Saskia Sassen, *The Global City: New York, London, Tokyo* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991).

в критической традиции, воспринимаем «городское» как понятие, действующее на более высоком уровне абстракции, нежели понятия «город» или «локальное». Различие между городом (city) как «локальным пространственным явлением» и «городским» (the urban) не так уж легко провести, но его неминуемо нужно обозначить, особенно в связи с вызовами, которые оно бросает концепции «общего».

Из текстов, написанных в рамках критической урбанистической традиции, мы можем извлечь две конкретные интуиции «городского».

Во-первых, «городское» схватывается в терминах своей мультимасштабности (multi-scalar constitution), а также связей с другими пространствами и местами. Эта идея берет начало в политэкономической критике и определяет урбанизацию как глобальный процесс, связывающий различные места и масштабы, от телесного до глобального. Отталкиваясь от текстов Анри Лефевра, Нил Бреннер и Кристиан Шмид даже позволяют себе заявить, что мы живем в ситуации «планетарной урбанизации»²⁸; таким образом, урбанизация определяется как, по их мнению, превалирующий тип существования, присущий современному обществу.

Во-вторых, «городское» также можно понять как реальность (модерной) повседневной деятельности.

«Городское» – призма, позволяющая увидеть, как логика капитала и государственных сил вплавляется в различные

²⁸ Brenner and Schmid, «Planetary Urbanization».

опыты и тактики горожан, стремящихся удержаться на плаву в повседневности; «городское», увиденное таким образом, есть культурный процесс, опосредующий индивидуальный и повседневный опыты в соответствии с требованиями накопления капитала и политической гегемонии. Анонимность, без которой немислимы большие и сложные городские агломерации, не в лучших отношениях с идеалами децентрализованного общего, в котором все создатели и пользователи знают друг друга в лицо. Тем не менее некоторые урбанисты²⁹ ценят именно эти черты городского (то есть анонимность), воплощающие освобождение от группового давления (*peer pressure*) и других форм общественного контроля; черты, позволяющие городским культурам развиваться во всем их многообразии.

Дэвид Харви, говоря о переменах и разнообразии, присутствующих городскому, лаконичен и точен: «город – это пространство, в котором взаимодействуют люди всех типов и классов, как бы неохотно и даже агрессивно они это ни делали; тем самым они производят общую, пусть и постоянно изменяющуюся и эфемерную жизнь»³⁰.

Обратившись к широкому спектру измерений «городского», мы можем обобщить «городское» как пространственную организацию общества. Оно образуется структурными

²⁹ See, for example: Iris Marion Young, *Justice and the Politics of Difference* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990).

³⁰ Harvey, *Rebel Cities*, 67.

асpekтами, то есть ускорением и уплотнением формируемых связей, воплощенных в развитии застраиваемой среды; но его также образуют и культурные аспекты, то есть методы работы с различием и сложностью, основанные на микрофизике повседневных столкновений, а не только замысел высших сил и властное планирование (sovereign planning). Чтобы избежать обращения к доминирующему методу, который выстраивает теорию на основании кейсов, ограниченных рамками Глобального Севера, и принимает города «Третьего мира» за «проблемы, нуждающиеся в диагнозе и реформах»³¹, мы коллегиально решили рассматривать города и Глобального Севера, и Глобального Юга. Мы стремимся обозначить точку зрения на «обыкновенные города»³², хотя понимаем и признаем, что большинство рассматриваемых примеров размещено в городах крупных (metropolitan centers).

Вызов, поджидающий исследователей городской совместности, кроется в том, что любая попытка создания совместности зависит от городских условий, и в каждом конкретном случае эта зависимость отличается глубиной и сложностью. С одной стороны, городская совместность вынуждена учитывать масштабы, на которые она может выйти, если будет до-

³¹ Ananya Roy, «The 21st-Century Metropolis: New Geographies of Theory», *Regional Studies*, 43, № 6 (2009); 820.

³² Jennifer Robinson, *Ordinary Cities: Between Modernity and Development* (London: Routledge, 2006).

статочно долго существовать; кроме того, в ней самой заключены потенциальные ограничения, которые могут актуализироваться с течением времени. С другой, продолжающаяся урбанизация общества со всеми ее мобильностями, скоростностями и множественностями субъективностей постоянно подрывает и оспаривает установленные границы. Так мы приходим к вопросу: какие институты нужны в условиях разнообразия и пусть неполной, но анонимности? И как нам следует размышлять о взаимодействии различных городских акторов? В конце концов, кажется неизбежным наличие набора общих ценностей и норм, необходимых для общественной институционализации.

Границы, в определенный момент создающие чувство сообщества, некоторое время спустя могут быть восприняты и как форма необоснованного исключения. То есть обвинения в исключении раздражаются не только сторонники совместностей; исключение может обнаружиться и в практике, которая мыслилась как общая. И, естественно, любой проект создания совместности, стремящийся преодолеть ограничения государства и рынка, должен рассматривать эти обвинения со всей серьезностью – иначе он рискует воспроизвести социальные различия. С другой стороны, границы можно оспаривать и изнутри; горожане могут прекратить попытки производства совместности (commoning endeavors) из-за географической мобильности или же потери ощущения сопричастности сообществу. Совместностям,

число участников которых идет на спад, грозят проблемы с воспроизводством. Участники, преданные делу, могут чувствовать отчаянную потребность в том, чтобы оберегать соседский парк или удерживать (и обновлять) конкретный сквот. Однако участники процесса по созданию общего, городские акторы, вольны преследовать свои интересы и разрабатывать новые идентичности в самых разных направлениях; и причины, по которым они могут оставить совместное дело, не обязательно сводятся к одному лишь переезду.

В такой ситуации создателям приходится постоянно уточнять, обсуждать и повторно артикулировать, кто такие «мы». Итак, приняв во внимание это непостоянство, как же создателям совместности поддерживать коллективные интересы и идентичности?

У проблемы границ есть и другой аспект, связанный с взаимоотношениями разных совместностей. Харви указывал, что горизонтальность как принцип совместной организации общих благ и ресурсов имеет свои ограничения³³. Из этой перспективы децентрализация и автономия – основные двигатели производства еще большего неравенства, производимого неолиберализацией, и в силу этого взаимодействие между автономными элементами (совместностей) необходимо регулировать при помощи правил, которые, в свою очередь, вводит, устанавливает, обеспечивает и контролирует авторитет, занимающий в иерархии более высокое поло-

³³ Harvey, *Rebel Cities*, 70.

жение³⁴. Отталкиваясь от работ Мюррея Букчина, Харви³⁵ также предложил федеративную структуру, координирующую различные совместности.

В каждом отдельном случае городским совместностям следует быть настороже – чтобы постоянно учреждать и пересматривать собственные границы и институциональную динамику. В каждом случае совместность должна держаться на приличной дистанции от воздействий рынка и государства, при этом выступая «ведущим партнером в танце»³⁶ с ними. Поскольку и капитал, и государство получают накопления из внешних источников, они сознательно трактуют городскую жизнь как источник ревитализации³⁷.

Новые формы взаимодействия, социального и культурного воспроизводств, технологических инноваций, мода и многое другое – суть важные импульсы, усиливающие накопление капитала³⁸. Инициативы по созданию совместностей – такие, как сети малых предпринимателей, субкультурных производителей инициативы по оказанию прямых услуг

³⁴ Ibid., 83.

³⁵ Ibid., 81.

³⁶ John Holloway, *Crack Capitalism* (London: Pluto Press, 2010); см. также эссе Кратцвальд в этом сборнике.

³⁷ Michael Hardt and Antonio Negri, *Commonwealth* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009), 154–156.

³⁸ Такая стратегия описана в работах Ричарда Флориды, посвященных «креативному классу»: Richard L. Florida, *Cities and the Creative Class* (New York: Routledge, 2005).

маргинализированным группам и, например, городское садоводство – получают теплый прием у правительств, которые могут даже поддерживать эти инициативы, надеясь на ревалоризацию городского пространства и смягчение от ударов экономической реструктуризации³⁹. Тем не менее в то же самое время креативный потенциал городских совместностей и их способность к воспроизводству постоянно подрываются новыми попытками их эксплуатировать и контролировать (то есть отграничить); попытками, в свою очередь вызванными политикой по сокращению расходов.

Вызов общему

Артикулируя этот вызов трем измерениям совместности, мы должны отметить:

- Требование Остром о конструировании надежно обозначенных границ для производителей и их сообществ нуждается в пересмотре, поскольку создатели совместности включены в процессы мобильности и социальной дифференциации. Производителям следует включаться в процесс постоянного переопределения границ.
- В силу этого институции совместностей вынуждены сопротивляться процессу очерчивания

³⁹ Margit Mayer, «The Onward Sweep of Social Capital: Causes and Consequences for Understanding Cities, Communities and Urban Movements», *International Journal of Urban and Regional Research* 27, № 1 (March 1, 2003): 110–132.

границ и вести переговоры с производителями (commoners), обладающими различными идентичностями, характером мобильностей, потребностями и возможностями. Эта задача, существующая наряду с крупномасштабным и многоуровневым конституированием общедоступных благ, усложняет режимы управления, которые не могут опираться на удобные встречи лицом к лицу, практически невозможные в сложной городской среде.

- Городские совместности следует рассматривать с точки зрения множественных масштабов, задействуемых для производства и потребления общедоступных благ и практик. Также следует держать в уме, что разные группы интересантов по-своему определяют, что такое городской ресурс. Приняв, что ресурсы никогда не «даны» просто так, следует внимательно изучить способы, посредством которых ресурсы потребляют, используют или воспроизводят.

Это серьезные вызовы, бросааемые городским совместностям, и для их разрешения нам недостает ни точных принципов, ни правил. Дело в том, что готового руководства и во все не существует; правила следует разрабатывать во время переговоров – и это, безусловно, черта, присущая городской среде. Эссе, представленные в данном сборнике, подступают к означенным вызовам с нескольких сторон, предлагая разные способы описания того, как произошли и появились совместности, как их оспаривали, ограничивали и/или защищали.

Структура издания

Данный сборник разделен на четыре секции. Первая, «Перспективы», представляет собой спектр концептуальных точек зрения, с которых возможен анализ городских совместностей (urban commons). Эссе *Бриджит Кратцвальд* рассматривает их как «диссидентские практики в эмансипаторных пространствах». Кратцвальд предоставляет концептуальное основание совместностей, далее используемое другими авторами, и доказывает, что города оказались очагами политических споров о коллективных благах, сокращаемых жесткими мерами неолиберальной экономики. Тем не менее она также указывает, что «теоретическая дискуссия о совместностях – относительно новый феномен, которому следует прежде всего выявить собственные основания». Оценивая историческое появление общинных земель (и, как следствие, общих благ) в сельской Англии, она спорит с Зильке Хельфрих, говоря, что «общие блага не просто существуют, они создаются». Поступательно развивая аргумент, Кратцвальд подчеркивает потребность совместностей в постоянном самоучреждении, противостоящем государству и капиталу, и высоко оценивает принципы, предложенные Остром для создания устойчивых общедоступных благ.

Маркус Кип сосредотачивается на концепции городского пространства, обращаясь к дебатам, ведущимся в по-

ле критических наук о городе (critical urban studies). Отмечая недавно возникший широкий академический интерес к «городским совместностям», он утверждает, что городской характер совместности недостаточно объяснен. Кип стремится показать, что переговоры о границах и солидарностях заслуживают более пристального аналитического внимания – в силу того, что мультимасштабное устройство городского пространства, равно как и процессы социальной дифференциации, ставят постоянные вызовы перед производителями совместности; вызовы, оспаривающие саму возможность установить общее основание для коллективной практики. Далее он отмечает, что городской совместности удастся выжить и удержаться лишь в том случае, если границы расширяющейся зоны ее влияния будут совпадать с зоной влияния капитала.

Тем не менее такое расширение происходит на фоне нескольких осложнений, которые очерчивает *Майкен Бьеньек*. Она подчеркивает значимость социальных дилемм, то есть «ситуаций, в которых решение, принимаемое по необходимости, должно вести к удовлетворению либо краткосрочных личных интересов, либо долгосрочных коллективных интересов». Психологическое исследование вооружает читателя несколькими интересными интуициями, связанными с мотивационными, когнитивными и перцептивными аспектами, отличающими работу сообща. Бьеньек обнаруживает, что сложность, свойственная урбанизированному

миру, затрудняет социальную кооперацию; далее она обращается к теоретическим наработкам Дэвида Харви и Винсента Острома, посвященным кооперации между совместностями (cooperation among commons).

Оставшиеся секции группируются вокруг трех измерений, в которых размещена «совместность». Эти измерения постоянно накладываются друг на друга, но, несмотря на пересечения, отдельные кейсы можно упорядочивать в соответствии с аспектами, более свойственными одному из трех.

Вторая секция, «Сообщества», содержит три эссе, предлагающих определенные находки и вопросы, посвященные проблеме сообщества. *Тобиас Кутлер* и *Анджела Йэн*, обращаясь к своему исследованию базара Бегам (Хайдарабад, Индия), принимают не очень распространенную точку зрения: они берутся описать споры по поводу занимаемого пространства как форму производства совместности. Им не удалось обнаружить ни строгих границ, ни артикулированной групповой идентичности, отличающих сообщество производителей. Этнографическое исследование паттернов апроприации и споров, предпринятое Кутлером и Йэн, предполагает, что «создание совместности <...> успешно осуществляется лишь посредством каждодневной апроприации физического пространства и производства социального пространства». Эта существующая в реальной жизни совместность отмечена тем не менее иерархичностью и социальными неравенствами, радикально отличающими ее от идеальных моде-

лей, сконструированных Остром и другими исследователями.

Эссе *Диди Хан и Хаджиме Имамаса* переносит нас в недавно учрежденную и активно расширяющуюся жилую коммуну (commune project) Бин-Зиб, открывающую «гостевые» дома в Сеуле (Южная Корея). Хан и Имамаса показывают, что сообщество появилось благодаря накаленности сеульского рынка жилой недвижимости, вызвавшей жесткий недостаток жилплощади и неравенство. Потрясающими чертами этого сообщества являются его радикальная открытость новоприбывшим и отсутствие «политической идеологии, программы или бюрократической структуры». Резидентам коммуны удалось не просто создать новый тип жилищного общничества (housing commons), но и претворить в жизнь новые формы «бытия-сообща» (being-in-common); это удалось благодаря постоянным переговорам и установлению обязательств между участниками проекта.

Мануэль Лутц рассматривает палаточные городки бездомных (США) как «разобщенную» форму совместности, наблюдаемую все чаще после 2008 года. Пусть эти городки и можно описать как «интенциональные сообщества», их интенциональность в основном связана с коллективным использованием ресурса и банальным выживанием. Если исследователь берется рассматривать эту самоорганизацию в контексте большей политико-экономической системы, производящей бездомность, то он может заподозрить, что

наблюдает «сообщество, устроенное помимо своей воли». Тем не менее Лутц подчеркивал агентность и самоучреждаемость этих палаточных городков как признаки сообщества, сопротивляющегося превалирующим методам управления бездомными. Одно лишь наличие таких сообществ – существующих вопреки государственным методам дисциплинирования бездомных в ночлежках и при помощи специальных «реабилитационных» сервисов, подготавливающих бездомного к жизни в обычных домах, – указывает, что реальная проблема – это отнюдь не бездомные, а жилье, не удовлетворяющее стандартам приемлемой жизни.

В третьей секции, «Институты», собраны эссе, которые полны интригующих размышлений о том, как осуществляются практики создания совместности и как они институционализируются в конкурентном поле. *Даниэль Опазо Ортиз* обсуждает события, связанные с трущобами Пеньялолен (Сантьяго, Чили), а именно захват земли, на которой появилось неформальное поселение. Жители трущоб решились на это в 1999 году: они заняли территорию, ранее находившуюся в частном владении, тем самым поддержав привычную для Чили традицию сквоттинга. Опазо предполагает, что это поселение можно рассматривать как приостановленную совместность (commons that was cut short). В 2005 году эти площади выкупило государство; сразу после закрытия сделки оно изгнало жителей, ссылаясь на то, что такая форма гражданской апроприации противоречит конституции. Та-

ким образом, государство произвело дискурсивную трансформацию, подав борьбу бедняков за право на город и жилье как махинации организованной группы лоббистов (pressure group), движимых своего рода «приватизационным импульсом».

Кейс *Игнасио Кастильо Уллоа*, напротив, представляет более удачный исход битвы за совместность. Кастильо рассматривает, как городское движение Сан-Хосе (Коста-Рика) смогло получить доступ и к начальной школе, и к общественной библиотеке, и к городскому парку; теоретическую рамку анализа задают работы Фуко и Лакана. Городские планировщики маркировали район как «исключенную периферию», судьбу которой должны решать централизованное управление и традиционные политические партии. Кастильо же отстаивает точку зрения, согласно которой описываемый случай «радикального производства совместности» (radical commoning) становится возможным благодаря «разломам Реального». «Реальное» планировщиков и надзорных органов, как показывает Кастильо, не смогло полностью поглотить (обитаемую) «реальность», что открыло «неустранимую возможность противодействия, мобилизации местных знаний и языков для воображения альтернативного будущего в настоящем времени».

Агнес Катарина Мюллер исследует конфликты вокруг пространства Гляйсдрайек (Кройцберг, Берлин). Она прослеживает всю историю споров и трансформаций простран-

ства, из маргинального «белого пятна» у Берлинской стены превратившегося в объект желания застройщиков, которым оно стало уже в эпоху объединенной Германии. Долгая история споров за территорию вынуждала различных акторов, вступающих в борьбу, имея различные виды на пространство, заключать союзы и вступать в коалиции, противостоящие официальному городскому планированию. Мюллер предлагает рассматривать данные коалиции как попытки создания совместности: им удалось заместить принципы планирования, используемые государственными чиновниками, – партисипаторным методом «снизу вверх». В какой-то степени этим коалициям удалось и защитить Гляйсдрайек, и вынудить местную администрацию закрепить за ним статус общественного пространства.

Производство совместности как «акт неповиновения» исследуется в тексте *Мелиссы Гарсиа Ламарка*. Эта статья посвящена спекуляциям на испанском рынке недвижимости, бум которого пришелся на 2007 год, а также выселению людей. Ламарка внимательно рассматривает общественное движение против арестов имущества, называемое «Платформа пострадавших от ипотеки» (PMAR). С 2009 года «Платформа» постоянно разрастается: ее образуют 200 отделений, она успешно заблокировала 1130 выселений и заново «заселила» 1150 человек в 30 восстановленных зданий. «Коллективное выздоровление» рынка недвижимости произошло через построение отношений, которые оккупирую-

щая группа выстраивала с социальным и физическим окружениями, проживая совместно и самоорганизуясь. Размышляя о будущем «Платформы», исследовательница задается сложным вопросом: что в долгосрочной перспективе позволит движению оставаться освободительным и не исчезнуть?

Четвертая секция, «Ресурсы», посвящена ресурсному измерению городской совместности. Она открывается исследованием швейцарской и немецкой моделей жилищного рынка, которые рассматривают *Иво Балмер* и *Тобиас Бернет*. Авторы описывают континуум, заданный двумя ключевыми критериями оценки совместности, а именно степенью декоммодификации и степенью самоорганизации. Несмотря на то что вмешательства государственных политических институтов в дела жилищного рынка обычно расцениваются как необходимые и оправданные, Балмер и Бернет указывают на политическую незащитность государственного механизма с точки зрения стратегий приватизации. Альтернативу представляет «хитроумный взлом» прав на собственность, которому авторы симпатизируют и который позволяет превратить многоквартирный дом, принадлежащий частной компании, в коллективно управляемый ресурс общего пользования.

В книге рассматривается и еще один значимый городской ресурс – инфраструктура, обеспечивающая подачу энергии. *Серен Беккер*, *Росс Беверидж* и *Матиас Науман* анализируют гражданские кампании недавнего времени в Берлине, при-

зывающие к возвращению электросетей в статус общественного ресурса, которого их лишили в 1997 году. Проблема энергоснабжения буквально наэлектризовала граждан, став точкой отсчета для обсуждения других актуальных для города сюжетов, таких как защита окружающей среды, сохранение ресурсов, демократическая вовлеченность и социальное равенство. Рассмотренные кампании за вызволение электросетей из рук частных предпринимателей опирались на разные политики совместности: одна основывалась на модели кооперативного владения, другая – на модели общественного контроля и отчетности.

И наконец, последний текст сборника – по очередности, но не по значимости – фундаментальное и провокативное исследование совместности, за которое принялся *А. К. Томпсон*. «Битва за Некрополь» расширяет наше представление о том, что является ставкой в любой попытке производства совместности (*commoning*). Томпсон пишет, что «нам необходимо вернуться к темам *политики как войны* и упорства *мертвых*», если мы хотим сколько-то продвинуться в борьбе за совместность и не оставляем намерений наконец сдвинуться с нынешней позиции, на которой нам доступны лишь ожидание и предвкушение; позиции, на которой приятно жадать социальных трансформаций и невозможно воплощать поставленные цели». Томпсон описывает «прошлое» и «территорию» как жизненно важные ресурсы, которые необходимо захватывать проектам, производящим совмест-

ности, — если, конечно, этим проектам нужна хоть какая-то политическая значимость.

Надеемся, что это издание вдохновит читателей на дальнейшие скрупулезные и взвешенные разговоры о том, что значит и из чего складывается коллективный захват повседневности. Мы рады быть частью этого процесса — процесса создания совместностей.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Городская совместность: диссидентские практики в эмансипаторных пространствах

Бриджит Кратцвальд

1. Зачем определять «городскую совместность»

Есть ли смысл так подробно говорить именно о «городской совместности»? И почему последние несколько лет эта дискуссия набирает обороты? Укажем несколько причин, объясняющих пристальное внимание к городской совместности. Во-первых, анализ демографического развития показывает: через несколько десятилетий большая часть мирового населения будет жить в городах, и это лишь усилит споры о постоянно сокращающихся ресурсах пространства. Во-вторых, усиливающаяся эксплуатация городов приводит к возникновению особых форм огораживания, обособления пространств. Неолиберальная перестройка общества влияет на города, в которых она наиболее заметна; «социальные уто-

пии и альтернативные способы общественного устройства всегда становятся альтернативными способами построения городов»⁴⁰. Наконец, теоретическая дискуссия о городской совместности – относительно новый феномен, которому еще предстоит выстроить собственное основание.

Города были центрами торговли, а затем – и промышленности. Они были и остаются местами сосредоточения политической и экономической власти. Практики производства совместности (*commoning practices*) всегда бытовали в городах; однако в отношении городской совместности не существовало ни законодательных положений, ни прав, спущенных сверху, – в отличие от сельскохозяйственных земель. В городах действовали права торговцев и ремесленников; беднякам же прав не полагалось, и они могли лишь рассчитывать на чью-либо милость. Во времена раннего капитализма «законы о бедных» (*poor laws*) приводили к криминализации и подавлению городской бедноты⁴¹; неимущим крестьянам везло больше городских собратьев – до какой-то степени они могли обеспечивать себе независимое и достойное существование, притязая на ресурсы общего пользования, пусть даже это теоретически существующее право постоян-

⁴⁰ Andrej Holm and Dirk Gebhardt, eds., *Initiativen für ein Recht auf Stadt. Theorie und Praxis städtischer Aneignung* (Hamburg: VSA Verlag, 2011), 9 [перевод – Мари Делленбо].

⁴¹ Giovanna Procacci, «Social Economy and the Government of Poverty», in *The Foucault Effect. Studies in Governmentality*, eds. Graham Burchell, Colin Gordon, and Peter Miller, 151–167 (Chicago: University of Chicago Press, 1991).

но оспаривали помещики и правители.

Фермеры, вынужденные перебираться в город из-за ого-
раживаний, проводимых знатю и буржуазным правитель-
ством, перевезли с собой практики производства «общинно-
сти». Однако практики трансформировались согласно тре-
бованиям промышленного капитализма. Самоорганизация
пролетариата привела к появлению первых систем совмест-
ного страхования, а также потребительских и жилищных ко-
оперативов; эти институты настолько укрепили политиче-
ское положение рабочего движения, что сделали возможны-
ми расширение политической вовлеченности и улучшение
условий труда⁴². Государство взялось обеспечивать социаль-
ную и экономическую безопасность, предоставлять жилье
и инфраструктуру – с приходом фордизма эти задачи стали
государственным приоритетом, и их значимость не меркла
ни при «Новом курсе» Рузвельта, ни при формировании ев-
ропейских государств всеобщего благосостояния. В данном
случае мы можем говорить об «огосударствлении» совмест-
ности. Определенно, Мануэль Кастельс подразумевал имен-
но такой тип фордистского поселения, называя города про-
странствами «коллективного потребления»⁴³, в которых го-
сударственный сектор предоставляет все необходимое. Го-

⁴² Andreas Exner and Brigitte Kratzwald, *Solidarische Ökonomie und Commons* (Vienna: Mandelbaum Verlag, 2012), 54.

⁴³ Manuel Castells, «Collective Consumption and Urban Contradictions in Advanced Capitalism», in *The Castells Reader on Cities and Social Theory*, ed. Ida Susser, 107–129 (Oxford: Blackwell, 2001).

сударство и рынок должны были обеспечивать благосостояние и безопасность, а либеральная демократия – гарантировать равные для всех права. Действуя сообща и единовременно, они позволяли горожанам надеяться на светлое будущее. Идея «общинного»⁴⁴ (commons) казалась совершенно устаревшей и не соответствующей требованиям эпохи модерна. Так «общинное» отделили от городских практик.

Однако даже в те времена рост качества жизни не затрагивал всех и каждого. Уже Анри Лефевр в 1968 году акцентировал необходимость «права на город», права на участие в городской жизни, которое должно быть доступно в том числе и маргинальным группам⁴⁵. За прошедшие десятилетия социальное исключение лишь усилилось и стало больше распространяться. Городское пространство коммодифицировалось и стало эксплуатироваться в соответствии с требованиями неолиберальной городской политики⁴⁶, что вос-

⁴⁴ В этой статье мы даем два перевода понятия «commons». Первый – «*общее*» или «*общинное*», «*общинность*» – используется для перевода термина в связи с историческим контекстом Англии XIII в., а также применительно к работам Элинора Остром, Гарри Хардина и других исследователей, работавших с «commons» как с ресурсами общего пользования (в первую очередь в контексте сельского хозяйства). Перевод «*совместность*» мы используем в отношении «городского общего», создаваемого в практиках современных горожан. Тем самым мы маркируем переход от старого словаря к новому, заново актуализируя специфику, злободневность и проблематичность commons в городском контексте. – *Прим. ред. и пер.*

⁴⁵ Henri Lefebvre, *Le droit à la ville* (Paris: Anthropos, 2009).

⁴⁶ Holm and Gebhardt, *Initiativen für ein Recht auf Stadt*, 9.

кресило требования «права на город». Как и раньше, люди стекаются в города, надеясь обрести работу, жилье и пространство для жизни. Капиталисты, напротив, расценивают город как поставщика выгодных инвестиционных возможностей. Городским правительствам приходится удовлетворять интересы и тех и других; но в ситуации постоянного бюджетного дефицита они вынуждены служить нуждам капитала. Так, города функционируют сообразно логике эксплуатации, исключаящей из внимания качество жизни большинства горожан. Все меньше людей могут участвовать в коллективном потреблении, о котором говорил Кастельс. Нарастающая эксплуатация городов ведет к новым огораживаниям, и в силу этого все большее число горожан теряет доступ к пространству и ресурсам, поскольку им не хватает финансового капитала, – и это состояние значительно ограничивает их агентность (agency). Результат таких трансформаций – бессилие и фрустрация, все больше захватывающие молодежь (но не только), которая не видит перспектив на будущее. Горожане переживают утрату контроля над собственными жизнями. Они не чувствуют, что экономика в них заинтересована, а политики действительно представляют их интересы. Кажется, что их роль сведена к одному лишь потреблению, на которое остается все меньше средств.

В этот момент полностью проявляются слабые стороны, отличающие систему государства всеобщего благоденствия: социальная защищенность оказывается зависимой от эф-

фektivности наемного труда, а значит, и от экономического роста. Соответственно, этот тип защиты становится доступен лишь тем, кто подчиняется логике системы. А если говорить точно, она и вовсе недоступна, когда нужна более всего – в период экономического кризиса. Граждане делегировали решение общественных вопросов государству, тем самым отказавшись от контроля над ними. Они свели свою роль к участию в проходящем раз в несколько лет голосовании – когда они выбирают партию, которая, кажется, представляет их интересы. Правительство же зарекомендовало себя как плохой попечитель: вместо того чтобы распоряжаться общественной собственностью, оно взялось ее продавать в надежде заполнить пустую государственную казну. Такие опыты лишения и исключения вызвали к жизни дебаты об альтернативах и стимулировали борьбу за городскую совместность.

В свете неолиберальных урезаний бюджета городские власти также заинтересовались другими формами совместного обустройства (*communal design*) общественных пространств и благ. В этом смысле «совместность» («*commons*») становится своеобразным экраном, на который проецируют самые разные идеи и интересы; границы этого экрана не заданы, да они и не могут быть точно очерчены. Значимыми аспектами для общественных дискуссий становятся устройство городов как «совместностей», городское планирование как «производство совместности», а также рефлексия о городах, прием-

лющих идею совместности. И если для городских властей самоорганизация граждан – шанс на экономическую разгрузку и, возможно, стабилизацию существующих систем представительной демократии и свободного рынка, то для маргинализированных и политически мотивированных групп – это возможность повторной апроприации города и общественных пространств, возвращение их горожанам. Эти группы, взявшись за последовательную критику системы, пытаются создавать модели устройства общества, альтернативные капитализму. Конфликтов им не избежать – и этим городская совместность связана с «общинностью», своей предшественницей.

2. От исторически английской «общинности» к современной «совместности»

Каким потенциалом обладает концепт «совместности» в современной политической ситуации и почему он представляется двойственным? Мы сможем это понять, определив значение и функции этого концепта в докапиталистическом периоде. И пусть концепт нельзя перенести в настоящее без изменений, мы можем определить его базовые принципы, которые позднее наполним современным содержанием.

Пусть практики «обобществления» и появились на заре человечества, тем не менее историки отсчитывают возник-

новение «общего» (commons) от 1215 года⁴⁷, когда английский король Иоанн II принял Великую хартию вольностей. Этот закон подвел черту под постоянными, тянувшимися добрых 150 лет столкновениями нормандских завоевателей с британскими дворянством и духовенством. Подписав хартию, король Иоанн, потомок Вильгельма Завоевателя, был вынужден отказаться от введения континентального римского права и признать «общинное право» (common law), существующее со времен Нормандского завоевания. Хорошо известно, что Великая хартия вольностей стала первым примером кодификации фундаментальных политических прав для всех людей независимо от их статуса. В свою очередь, Иоанн II был признан королем Англии.

По сути, Великая хартия вольностей – договор между дворянством, духовенством и королем, однако в ней также содержатся правила, затрагивающие жизнь «обычных» людей; тех, кто не владел землей и в феодальные времена составлял большинство населения. Дарованное людям право брать из ресурсов общинного пользования (commons) то, что нужно, смогло обеспечить клаузулу о том, что все люди равны перед лицом закона. По закону «общинная земля» (common land) принадлежала аристократам-землевладельцам, которым, впрочем, дозволялся лишь выборочный запрет на ресурсы (в частности, они могли запрещать охо-

⁴⁷ Peter Linebaugh, *The Magna Carta Manifesto. Liberties and Commons for All* (Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2008).

ту); другие типы ресурсов при необходимости оставались доступными для фермеров; доступ регулировали строго оговоренные правила. Последние разрабатывались десятилетиями; они основывались на потребностях людей и характеристиках ресурсов, доступных к использованию: пастбищ, полей, древесины (как топлива или стройматериала), рыбных запасов или лесных ягод. Отметим ключевое наблюдение: король не мог даровать право на общинное (commons), он лишь мог уважать его наличие. Право не являлось королевским благоволением, оно давалось каждому от рождения⁴⁸.

Поскольку дворян ограничивали в праве распоряжаться землей, за общинные ресурсы (commons) всегда шла борьба. И неслучайно в Великой хартии вольностей особо подчеркивалось право на защиту общинных ресурсов; тем самым договор предотвращал огораживание и присвоение земель дворянством и духовенством. Раз в год, на праздник урожая, общинную землю измеряли шагами; все заборы и стены, возведенные на ней за прошедший год, разрешалось снести. Каким мог бы стать этот процесс в современном городе? Какие заборы и стены возвели в нем за прошедшие годы? И на что мы можем натолкнуться в современности, следуя логике исторического экскурса?

Несколько лет назад этот обычай возродили в Лондо-

⁴⁸ Ugo Mattei, «First Thoughts for a Phenomenology of the Commons», in *The Wealth of the Commons. A World Beyond Market & State*, eds., David Bollier and Silke Helfrich (Amherst, MA: Levellers Press, 2012); <http://wealthofthecommons.org/contents> (accessed January 26, 2015).

не, поскольку Олимпийский стадион для игры в баскетбол возвели на отрезке земли общественного пользования (commons)⁴⁹. Закон требовал, чтобы сопоставимый участок превратили в землю общественного пользования. Однако это требование попросту проигнорировали. За расследование взялся Комитет по защите земель Нью Ламмас⁵⁰, который также запустил целую серию других мероприятий, призванных познакомить широкую публику с понятием «общего», находящегося в общественном пользовании (commons), и разъяснить его значимость.

3. Совместность не дана; она создается

История преподносит важный урок: совместности следует использовать и охранять, иначе они исчезнут. Их следует постоянно воспроизводить; «общественные блага не просто существуют как данность, они создаются людьми», – пишет Зильке Хельфрих⁵¹. Питер Лайнбо ввел в оборот фразу «вне практик производства совместности (commoning) не существует никакой совместности (commons)» – иначе говоря,

⁴⁹ <http://www.metamute.org/editorial/articles/lammas-land-and-olympic-dreams> (accessed January 26, 2015).

⁵⁰ <http://www.lammaslands.org.uk/> (accessed January 26, 2015).

⁵¹ Silke Helfrich, «Common Goods Don't Simply Exist – They Are Created», in *The Wealth of the Commons. A World Beyond Market & State*, eds. David Bollier and Silke Helfrich.

она невозможна без практик создания, сохранения и использования. Мы часто осознаем совместность лишь в момент, когда она уже исчезла или же подвергается угрозе. Совместность – не просто физический объект. Совместность образуют три элемента: ресурс (то есть «общественное благо»), группа людей, которые его используют, сохраняют, культивируют и воспроизводят; и наконец, правила, создаваемые людьми для достижения своих целей.

Таким образом, совместность и практики ее производства – комплекс, в котором одновременно заключены имеющие пространственное измерение социальные отношения и практики. Так сложилось, что совместность не только обеспечивала жизненно необходимые ресурсы, но и являлась *местом* встреч и переговоров – здесь люди могли обсуждать свои интересы, достигать соглашений и в то же время самоорганизовываться, если к этому их принуждало землевладельческое злоупотребление властью и покушение на права. Совместность стала пространством, в котором зарождались сопротивление и восстание против землевладельцев.

Конец этой истории хорошо известен: борьба за общинность привела к многочисленным гражданским войнам⁵² и в конце концов к первой большой волне огораживаний, которая привела к установлению капитализма. Огораживание

⁵² Английская Гражданская война, уничтожившая монархию и заменившая ее демократическим государством, также разбиралась с вопросом огораживаний. В частности, с ними боролись диггеры и левеллеры; немецкие крестьянские войны XVI века тоже ставили в центр борьбы вопрос землевладения.

общинного, однако, далеко от завершения; раз люди постоянно создают новые совместности, то и процесс будет идти. Пусть «общинность» надолго покидала политический и научный мейнстрим (по крайней мере, в индустриальных странах), но практики производства совместности остались вплетенными в повседневность многих людей. Борьба за общинность – неотъемлемая составляющая всех систем господства, в том числе и капитализма.

В феодальную эпоху общинностям вменялось несколько функций: они гарантировали, что каждый сможет удовлетворить базовые потребности и желания; они препятствовали расточительному использованию ресурсов; они позволяли даже самым бедным жителям сохранить достоинство и политические права; наконец, они предоставляли пространство относительной автономии. Сегодня мы бы сказали, что общинности служили экономическим и экологическим целям, которые сопрягались с правами человека и демократией. Пусть, конечно, этих целей далеко не всегда удавалось достичь. И тогда, и сейчас эти аспекты остаются значимыми и в сельской местности, и в городах – поэтому понятие «городская совместность» так хорошо удерживает целую сеть противоречий и оппозиций.

Совместность, понимаемая и как физическое пространство, и как социальная практика «за пределами государства и рынка»⁵³, также может напрямую связываться с дис-

⁵³ Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятель-

курсами о «праве на город как на коллективную реапроприацию городского пространства, которое призвано привести к появлению трансформированной, обновленной городской жизни, ориентированной на потребительную стоимость/ценность города, где обмен не опосредован меновой стоимостью, торговлей или прибылью». Эти дискурсы основаны «одновременно на понимании города как физической формы и как социальных отношений и практик, связанных с ним»⁵⁴. «Совместность» была формой общественного пространства задолго до того, как само понятие вошло в обиход во время буржуазных революций. По этой причине использование концепта «совместности» применительно к городским публичным пространствам не содержит противоречия; более того, оно позволяет сместить термин «публичность» в сторону эмансипации.

4. Общее и публичное ⁵⁵

В прошлом столетии появилось понятие «публичного», под которым подразумевали «государственное». Часто «пуб-

ности. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2010; Elinor Ostrom, *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action* (New York: Cambridge University Press, 1990).

⁵⁴ Holm and Gebhardt, *Initiativen für ein Recht auf Stadt*, 8 [перевод – Мари Делленбо].

⁵⁵ Brigitte Kratzwald, «Rethinking the Social Welfare State in Light of the Commons», in *The Wealth of the Commons*, eds. David Bollier and Silke Helfrich.

личное» уравнивалось с «национальным» или «государственным», то есть принадлежавшим государству или правительству; или же оно предоставлялось государством или каким-то государственным институтом, например муниципалитетом или администрацией любого из уровней. Государство выступает как противовес рыночной экономики, являясь институтом, компенсирующим или смягчающим негативные эффекты рыночного функционирования. Для этого оно предоставляет различные формы социальной, экономической или правовой защиты. Эта система продержалась недолго, прижившись лишь после Второй мировой войны исключительно в европейских государствах всеобщего благосостояния. Таким образом, в течение долгого времени социальные движения адресовали свои требования государству. Оно должно было обеспечивать и соблюдение прав граждан, и социальное равновесие; ему же вменялось управление государственной (public) собственностью.

Тем не менее современное государство возникло параллельно капиталистической рыночной экономике и с самого начала задавало политические рамки, определяющие функционирование и рост рынка. Государственным приоритетом являлись защита и продвижение частной собственности, и потому с первых дней существования государство в штаты принимало идею совместности. Государству вменялось смягчение социальных конфликтов – за счет соцзащиты или же репрессий, а зачастую и того и другого. Государство

создает политические, социальные и правовые условия для функционирования капиталистического рынка. Тем самым оно вынуждает социализируемых граждан настолько усвоить логику и требования рыночной системы, чтобы им больше было не по силам ни представлять, ни уж тем более воплощать альтернативные сценарии, существующие вне логики рынка. Государства никогда не защищали совместность. Правительства с самого начала активно участвовали в огораживании, ставшем значимой предпосылкой для успешного развития капитализма. На заре английской промышленной революции практиковались «парламентские огораживания», которые мы можем наблюдать и сегодня, когда, к примеру, ЕС принимает законы, ограничивающие доступ в интернет или же запрещающие фермерам взаимообмен семенами и грозящие последним судебными преследованиями.

В то же время многие потеряли веру в то, что государство желает или вообще имеет основания выступать от их имени и гарантировать их права. Они выступили против рынка и государства. Некоторым захотелось взять дела в свои руки. Решившись, они взялись кодировать самые разные ресурсы коллективного использования как «общедоступные» (common): водо- или энергоснабжение, жилую застройку, здравоохранение и даже городское планирование и использование публичных пространств. Но насколько осмысленно нарекать все эти разные вещи совместностями? И достаточно ли заменить термин «публичное» поняти-

ем «совместности»? В чем их отличие и что значит воспринимать «публичные» вещи, такие как государственные услуги и пространства, с позиции совместностей?

Исторически сложилось так, что профессиональные политики никогда полностью не отказывались от публичных дел, а граждане – не решались заниматься лишь своими частными обязанностями. Согласно Аристотелю, по природе своей человек является политическим животным, социальным существом, вместе с другими создающим сообщество. Греческий полис был возможен и существовал именно потому, что *все*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.